

Г. А. Тишкин

Некоторые итоги изучения истории университетского образования в Петербурге¹

С 1983 г. в научных кругах шла полемика о первом университете России, вызванная публикацией в газете «Ленинградский университет», подвергшей сомнению 1819 г. как дату основания Санкт-Петербургского университета. Авторам идеи о пересмотре даты основания университета профессорам Ю. Д. Марголису и Г. А. Тишкину удалось доказать и добиться признания 1724 г. как истинной даты возникновения первого университета в России. В статье подводятся итоги изучения истории университетского образования в Петербурге и перечисляются имена тех, кто поддерживал эту точку зрения.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский государственный университет, академический университет, университетское образование, история университетов, Ю. Д. Марголис

Grigory A. Tishkin

Some results of research on the history of the university education in St. Petersburg

Since 1983, there has been a debate among scholars about the founding of the first Russian university. The debate began with a publication in the weekly newspaper «Leningrad University». That publication called the date of 1819 as the founding of the St. Petersburg University into question. The authors Jury D. Margolis and Grigory A. Tishkin reconsidered the founding date and showed that the true date of the first Russian university is 1724. The article summarizes the results of their historical study of university education in St. Petersburg and lists the names of those who support their findings.

Keywords: St. Petersburg State University, university of the Academy of sciences, university education, history of universities, Jury D. Margolis

Более 25 лет прошло со дня опубликования на страницах еженедельника «Ленинградский университет» статьи «Сколько лет Петербургскому университету?», вызвавшей к жизни многолетнюю дискуссию о первом университете России². Но этой работе предшествовали долгие размышления и научные общения с учеными, учителями и коллегами. Я хотел вспомнить тех, кто в разные годы помогал отстаивать точку зрения на преемственность развития университетского образования в России в XVIII–XIX вв.

Еще в студенческие годы я разговаривал о начальном этапе университетского образования в нашем городе с деканом исторического факультета, профессором В. В. Мавродиным, хотя и в то время, и уже после защиты кандидатской диссертации меня больше интересовала история Петербургского университета во второй половине XIX в. Владимир Васильевич сказал мне тогда, что на историческом факультете была попытка заняться историей Петербургского университета в XVIII в. Такую тему даже дали одному аспиранту, но после непродолжительных поисков он разочаровался и сказал, что не нашел серьезных материалов по этому вопросу.

Значительное влияние на представление о событиях в Петербургском университете во второй

половине XVIII в. оказали лекции, которые в начале 1960-х гг. читал С. Л. Пештич и которые позднее нашли отражение в его трехтомной работе «Русская историография XVIII в.»³. Если наши оппоненты утверждают, что после смерти Ломоносова университет перестал существовать, был закрыт, то как в нем могли учиться А. Я. Поленов, А. П. Протасов, И. И. Лепехин, В. Ф. Зуев, Я. Д. Захаров, В. М. Севергин и др.? И из закрытого университета они не могли бы быть отправлены на стажировку в Страсбургский университет⁴. Представления наших оппонентов, в частности А. Ю. Андреева, что устав Петербургского университета в XVIII в. не существовал и возник только в 1819 г., тоже неверны⁵. Еще в 1747 г. Елизавета Петровна подписала устав университета, и не нужно больших библиографических разысканий, чтобы его сегодня найти. Он существует во всех крупных библиотеках Москвы и Петербурга. Так что нельзя считать устав Московского университета 1755 г. единственным университетским уставом в XVIII в., отбрасывая в сторону устав 1747 г.

Позже я вновь вернулся к этой проблеме уже в связи с тем, что занимался историей нашего университета в XIX в. Естественно, мне в руки попадались материалы и по более ранней, и по более поздней его истории. Как член Международной

комиссии по истории университетов, принимая участие в конференциях и праздновании различных университетских событий и юбилеев, я познакомился с историей европейских университетов. И я увидел, что в деятельности многих известных университетов, например, Хельсинкского и Болонского, Тартуского и Вильнюсского и других, были перерывы. Более того, некоторые из них первоначально создавались как средние учебные школы и официальный университетский статус иногда получали по прошествии столетия⁶. Кембриджский университет получил от папы Иоанна XXII право именоваться университетом в 1318 г., но свое летоисчисление ведет от года основания школы – его предшественницы, т. е. от 1209 г. Годом основания Оксфордского университета и начала высшего образования в Англии считается 1163 г., хотя первый колледж был организован значительно позже – в 1279 г. Краковская академия начиналась с училища, основанного в 1364 г. и лишь спустя годы получившего статус академии.

История университетов теснейшим образом связана с социально-политической жизнью тех государств, на территории которых они существовали. Своя специфика была и в России. Создание учебных заведений происходило долго, с трудом, осложнялось идеологическими мотивами: «наш» человек станет во главе, достоин ли тот или иной профессор читать лекции и пр. Как, например, создавалась в течение почти двух веков Славяно-греко-латинская академия в Москве? Шла переписка, приезжали люди, присылавшиеся, допустим, из Константинополя или по рекомендации Константинопольского патриарха. Они не устраивали какие-то русские круги, и их иногда ссылали, а иногда просто отправляли обратно. Но и тогда, когда упомянутая Академия начала свою деятельность, наших предков продолжала волновать проблема европейского религиозного влияния в России, т. е. католического влияния, и отнюдь не сразу они веряли юношей приезжавшим наставникам, пусть даже те и имели неплохие рекомендации от православных греков из Константинополя.

С появлением московской Славяно-греко-латинской и Киево-Могилянской академий, возникшей еще раньше, в первой трети XVII в. на Украине, мы можем говорить о начале университетского образования в Восточной Европе. З. И. Хижняк в своей работе, посвященной истории становления Киево-Могилянской академии, пишет, что, не имея официального статуса в XVII в., Киево-Могилянская коллегия была «первым украинским высшим учебным заведением» с высшим уровнем образования и что «выше такого образования вряд ли могло что-нибудь быть и в европейских тогдашних университетах»⁷. Она ссылается на воспоминания зарубежных современников. Французский инженер

и картограф Гийом Левасар де Боплан, известный по своему сочинению «Описание Украины», пребывая в Киеве в 30-х гг. XVII в., записал: «... в Киеве, на Подоле, при Братской церкви размещается университет, или академия». Жан-Бенуа Шерер в своей книге «Анналы Малороссии, или История казаков-запорожцев...» (1788), рассказывая о захоронении гетмана Сагайдачного на территории Киево-Могилянской академии, разъяснял: «Под Академией здесь следует понимать то, что мы обычно называем университетом. Киевский университет вплоть до времени Петра I был лишь один как в Великороссии, так и в Малороссии. Его основание уходит в давно прошедшие времена, а его классы всегда активно посещаются»⁸.

Петр I прекрасно понимал, что России нужен университет. Столицу он видел не как крепость, оцетинившуюся пушками на Запад, не только как порт, где торгуют и пьют, но, прежде всего, как центр культуры, а культурный центр без университета, без академии, без учебных заведений – невозможен.

Когда я размышлял на эти темы, меня удивляло, что мы несколько однобоко воспринимаем сам термин «академия». При этом слове у многих в сознании возникает образ сегодняшней Российской академии наук – государственного учреждения, организатора науки. Но рядом с этой Академией много лет существуют Сельскохозяйственная академия, Военно-медицинская академия, Лесотехническая академия. Если мы обратимся к этимологии, мы должны вспомнить сады Академа, где древний философ вел занятия со своими учениками. То есть либо это учебное заведение, либо научное учреждение. Почему же чаще всего нам приходит на ум государственное учреждение, курирующее науку? В других странах академия – это общество ученых, иногда субсидируемое государством, иногда – нет, это общественная организация, как и у нас сегодня есть отраслевые академии или добровольные общества, которые существуют на взносы, никому не платят зарплату, ищут спонсора, чтобы издать свои труды.

Что, собственно, создал Петр, какую академию? Такую, из которой выделились университет, гимназия, академия наук, академия художеств. Она называлась просто «Петербургская академия». То есть Петр создал бриллиантовую диадему, которая рассыпалась на отдельные научные учреждения и учебные заведения. Он говорил, что в нашем государстве нет еще ни учителей, ни юношей, готовых их слушать. Надо было создавать систему средних учебных заведений. Не было ученых в области естественных наук. Поэтому Россия была вынуждена приглашать преподавателей из Западной Европы. Универсальным языком ученых была латынь. Где можно было в России найти молодых

людей, говорящих по-латыни и понимающих ее? Лишь в духовных семинариях и духовных академиях. Оттуда и рекрутировали первых российских студентов. И они здесь довольно успешно учились.

Интересно мнение на этот счет профессора Петербургского университета Д. И. Менделеева. В своей статье «Какая же академия нужна в России?» он прямо заявлял: «По мысли Петра, Академия в Петербурге должна была быть не чем иным, как академия в Голландии, т. е. собранием ученых, занятых разработкой науки, с одной стороны, но и обязанной профессурой, в частности, в России обязанной обучать первых тогда особенно нужных учителей и техников. В Голландии и ныне называют университеты академиями. Надо думать, что Петр основывал вовсе не академию в смысле академии парижской, а академию в смысле академии голландской, т. е. университет. Нельзя было иначе сделать, как пригласить для этого иностранных ученых. Надобность в этом длилась, можно сказать, до времени, памятного еще многим ныне действующим и живущим»⁹.

Мне повезло, что рядом со мною был человек, который меня поддерживал с самого начала, Юрий Давидович Марголис. Мы понимали друг друга с полуслова и однажды написали большую статью о времени основания Петербургского университета. С чувством глубокой признательности я вспоминаю тогдашнего главного редактора университетского еженедельника Н. Л. Толстую и многих сотрудников, с энтузиазмом встретивших наши публикации. Кроме того, нас активно поддерживали, предлагая все новые и новые аргументы, многие университетские ученые, причем не только историки. Всем им, участникам длившегося несколько десятков месяцев диспута, еженедельник «Ленинградский университет» любезно предоставлял место. Здесь хотелось бы упомянуть имена тех, кто наиболее горячо, по-боевому, поддержал нашу точку зрения на дату основания университета: А. Н. Мурин, Б. С. Павлов, Ю. Денисов, Л. С. Семенов, Г. Н. Белозерский, Л. Ершов, М. Ф. Флоринский и др.

Вскоре дискуссия, продолжавшаяся на страницах еженедельника, привлекла внимание Ю. И. Полянского, А. Н. Немилова, А. А. Макареши, а также историков из других городов. Со страниц университетского еженедельника полемика в 1983 г. распространилась на страницы таких изданий, как «Смена» и «Ленинградская правда», широко популярного тогда журнала «Нева» и даже центральной «Правды». Нас активно поддерживало руководство университета, партком и Ленинградский областной комитет КПСС, в котором тогда активным сторонником идеи был А. Я. Дегтярев.

Вопреки нашим ожиданиям, оппонентов у нас оказалось немного. Еще меньше – выступивших в печати. В 1983 г. частичное несогласие с нашей

точкой зрения высказали Е. В. Анисимов и Э. П. Карпеев, но их полемическое выступление не содержало новых концептуальных возражений. Статья Анисимова и Карпеева называлась «Поиск нужно продолжить»¹⁰ – это то, от чего мы, собственно, никогда не отказывались и заявление о необходимости продолжения поиска встретили с радостью.

Большую роль в привлечении внимания к истории Петербургского университета и усилении позиции тех, кто считал датой его основания 1724 г., сыграли работы советского историка Е. С. Кулябко: «М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук» (М.: Л., 1962) и «Замечательные питомцы Академического университета» (Л., 1972). Возможно, даже против своей воли, Е. С. Кулябко, замечательный знаток фондов Архива Академии наук, помогла нам, авторам 1980-х гг., с упорством, смелостью и даже некоторой лихостью отстаивать свою точку зрения. К сожалению, Е. С. Кулябко, публикуя много интересного и очень ценного материала по истории Санкт-Петербургского университета XVIII в., никогда не говорила о преемственности в университетском образовании в Петербурге. И происходило это, скорее всего, потому, что трудно было решиться на то, чтобы лишить Московский университет звания старейшего вуза страны, хотя его устав был написан профессором и ректором Петербургского университета М. В. Ломоносовым, а его первыми профессорами были выпускники Петербургского университета, ученики Ломоносова. Как бы то ни было, работы Е. С. Кулябко послужили важным толчком для переосмысления ранней истории Петербургского университета.

Обсуждение вопроса о преемственности университетского образования в Петербурге вылилось в целую кампанию, участники которой обнаружили широкий и живой интерес, основанный на знании предмета. Мы с Ю. Д. Марголисом подготовили монографии «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» и «Единым вдохновением»¹¹, которые также вызвали отклики в печати.

В 1990-е гг. площадкой для обсуждения истории Петербургского университета в XVIII в. стал журнал «Санкт-Петербургский университет». Его главный редактор Н. Н. Кузнецова активно содействовала публикации материалов об истории начального этапа Петербургского университета.

Торжества в связи с 275-летием Петербургского университета привлекли к этому сюжету особое внимание московских ученых. В журнале «Отечественная история» (1998. № 5) были опубликованы две статьи, в которых предпринималась попытка доказать, что образования по университетским программам в XVIII в. в Петербурге вовсе не существовало, а следовательно, лекции, экзамены, учебная библиотека, заграничные командировки

Некоторые итоги изучения истории университетского образования в Петербурге

студентов, многочисленные документы, подтверждающие существование и деятельность Университета и Гимназии, – все это по словам А. Ю. Андреева, одного из оппонентов, «призраки»¹². Авторы публикаций не смогли найти какие-либо убедительные аргументы, которые бы подтвердили отсутствие учебного процесса в Петербургской Академии наук после 1765 г. Как не смог их найти и американский ученый из Колледжа Святого Креста (Массачусетс) (College of the Holy Cross). Речь идет о рецензии на монографию «Отечеству на пользу, а россиянам во славу», которая была опубликована в 1990 г. в журнале «History of universities»¹³. Автор рецензии Джеймс Флинн, поверхностно рассматривая нашу монографию так же, как и А. Ю. Андреев, ссылается на работу Д. А. Толстого «Академический университет в XVIII столетии». Он отмечает, что Толстой после 25 ноября 1765 г. не находит «более в академических протоколах никаких распоряжений об университете, но распределения профессорских лекций для студентов»¹⁴.

Во-первых, то, что Д. А. Толстой «не находит», еще не значит, что документов, подтверждающих продолжение учебного процесса в стенах Академии наук, действительно не существует. Во-вторых, возникает сомнение: читали ли авторы достаточно внимательно работу самого Д. А. Толстого? Что же касается Дж. Флинна – знаком ли уважаемый коллега вообще с работой Д. А. Толстого? В частности, Флинн неверно ссылается на книгу Толстого, ограничиваясь словами последнего, что университет в Петербурге прекратил свое существование. А ведь далее, буквально через два-три абзаца, Д. А. Толстой, противореча сам себе, приходит к новому и неожиданному заключению о том, что окончательно университет прекратил свое существование в самом конце XVIII в.: «В конце директорства Дашковой (т. е. в 1794 г. – Г. Т.) в университете оставалось всего три студента. Университет угас...»¹⁵. Нетрудно подсчитать, что между «1765» и «1794» расстояние в тридцать лет, а сведения о числе студентов можно почерпнуть из сборника документов «Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. XVIII в.»¹⁶.

Ошибка Флинна вызвана не тем, что называется незнанием источников, а неумением внимательно читать их. Голословно заявить о том, что в последней трети XVIII в. учебные заведения «закрылись», «перестали существовать», «были ликвидированы» и т. п., – недостаточно. Необходимо привести в доказательство документы, свидетельствующие об их упразднении. Неслучайно в публикациях, помещенных в «Отечественной истории», нет ссылок на архивные документы. Опубликованные же источники по истории Петербургского университета рубежа XVIII–XIX в.

оппоненты используют выборочно, т. е. только те издания, которые могут поддержать их мнение.

Ограничившись ссылкой на слова Д. А. Толстого, Дж. Флинн в своей рецензии сделал вывод, что существуют более обоснованные и лучше написанные исследования, посвященные образованию в Петербурге в XVIII в., чем монография Марголиса и Тишкина. Он называет при этом зарубежных авторов Дж. Л. Блэка (J. L. Black¹⁷), Г. Маркера (G. Marker¹⁸) и других, работы которых, по его мнению, заслуживают большего внимания исследователей. Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина он критикует за то, что они написали книгу, якобы направленную «против доминирования Москвы»¹⁹, однако никто из нас не ставил перед собой такой цели.

Не стану обсуждать другие досадные оплошности наших рецензентов, отмечу лишь, что идея преемственности университетского образования на берегах Невы в XVIII и XIX вв. не является исключительно собственностью Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина. Уже в XIX в. мы находим предшественников, единомышленников. Это ректор Петербургского университета И. П. Шульгин, министр народного просвещения С. С. Уваров, профессор П. А. Плетнев, попечитель Петербургского учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков, профессор А. В. Никитенко и др.

Дата основания университета – «1724 г.» признана не только в России, но и в некоторых зарубежных изданиях. Среди наиболее важных из них я бы хотел указать на второй том капитального труда «A History of the university in Europe. Universities in early Modern Europe (1500–1800)»²⁰.

Я бы хотел также напомнить о немецком историке, профессоре Свободного университета в Берлине Клаусе Майере, к сожалению, в 2007 г. ушедшем из жизни. Знаток русской истории, русских университетов он на протяжении 30 лет поддерживал нас с Ю. Д. Марголисом своими публикациями, а также в устных беседах, всегда откликался на наши работы, выступая с рецензиями на них²¹.

В числе наших сторонников был доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского аграрного университета Е. Р. Ольховский, который вначале осторожно относился к нашей точке зрения на историю возникновения Петербургского университета. Но чем больше он знакомился с нашими исследованиями и мнениями наших оппонентов, как отечественных, так и зарубежных, тем больше был вынужден под давлением приводимых нами фактов и аргументов убеждаться в том, что считать датой основания Петербургского университета 1819 г. – неосмотрительно, поскольку корни его очень глубоки и восходят к 1724 г.

С самого начала полемики в аргументации этой точки зрения помогал московский ученый-историк, автор ряда работ по истории универси-

тетского образования в России А. Е. Иванов. В подтверждение этому позволю себе процитировать его слова: «Правомерен вопрос: „Оправдал ли свое существование Академический университет?“. Вопреки утвердившейся в историографии точке зрения о полном банкротстве этого правительственного проекта, отвечаем на этот вопрос положительно, солидарно с коллегами Ю. Д. Марголисом, Г. А. Тишкиным, Ф. А. Петровым. Во-первых, потому, что он выполнил, насколько мог, свою стартовую роль, взрастив несколько десятков специалистов высшей квалификации на научной российской почве и создал академические предпосылки для восприятия Петербурга университетским городом. Во-вторых, потому, что „подлинным преемником“ Академического университета стал созданный по инициативе и плану его ректора М. В. Ломоносова Московский университет, основанием которого ознаменовалось начало формирования в Российской империи университетской системы»²².

Среди современных ученых, поддерживающих нас, хотел бы назвать еще одного специалиста по истории университетского образования в России, доктора исторических наук, профессора Саратовского университета А. И. Авруса. В своих очерках он прямо заявляет, что историю российских университетов надо начинать с 28 января 1724 г.²³ Рассматривая историю первого российского университета, А. И. Аврус сетует на труды некоторых московских историков, которые пытаются принизить роль Академического университета.

Свое мнение о преемственной связи академического университета с университетом, воссозданным в 1819 г., не раз высказывал В. В. Коломинов²⁴. В частности он ссылается на опубликованную нами статью «Материалы по истории управления университетом в 1724–1989 гг.»²⁵, свидетельствующую о том, что с конца XVIII в. университет последовательно трансформировался в целый ряд учебных заведений. В. В. Коломинов также указывает на то, что изменения в названиях высших учебных заведений России были нормой, и приводит такой пример. Вильнюсский университет был основан в 1579 г. как Вильнюсская академия, наделенная университетскими правами и привилегиями. В 1773 г. она была преобразована в Главную школу Великого княжества Литовского. В 1803 г. эта школа была реорганизована в Виленский университет. В 1832 г. университет закрывается, на его базе создаются медико-хирургическая и духовная академия. В 1842 г. медико-хирургическая академия была переведена в Киев и преобразована в медицинский факультет Киевского университета, а духовная академия в свою очередь переводится в Петербург. В 1919 г. Вильнюсский университет был возрожден. Любой человек, обучающийся

или преподающий в столице суверенной Литвы, на вопрос, когда был образован университет, ответит: в 1579 г.²⁶

У истоков образованной в 1783 г. Российской академии, которую возглавила Е. Р. Дашкова, стояли восемь питомцев Академического университета²⁷. Специалисты в различных отраслях знаний, они приняли на себя основную работу по созданию знаменитого «Словаря Академии Российской», занимавшего почетное место в библиотеках А. С. Пушкина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского. Высокий научный уровень словаря свидетельствует о фундаментальных знаниях, полученных составителями в Петербургском Академическом университете.

Сейчас даже москвичи пишут в своих работах, что старейший, Московский, университет был создан Ломоносовым, ректором Петербургского университета и его профессором и первыми профессорами Московского университета были выпускники Петербургского.

Через академическую гимназию, готовившую для Академического университета смену студентов, он стал предтечей созданного в 1804 г. Главного педагогического института при Петербургском университете, в 1819 г. преобразованного в Петербургский университет²⁸.

Главный недостаток Петербургского университета состоял не в том, что в нем обучалось то мало студентов, то много, случались кризисы преподавательской дисциплины, а в том, что он был неполноценным университетом. Он был основан, он существовал, но права присваивать ученые степени не имел. Думаю, что его следует отнести к разряду так называемых малых университетов. Многие его выпускники в XVIII в. получали ученую степень за границей. Потому Ломоносов и писал, что нужно провести инаугурацию университета, сделать его полным университетом со всеми правами.

Итогом многолетнего изучения истории университетского образования в Петербурге стало официальное признание 1724 г. как даты основания Петербургского университета и, как следствие, официальное празднование 275-летия со дня его основания²⁹.

Сотрудниками Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и автором этой статьи был подготовлен сборник документов «Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. XVIII в.», в котором описан основной комплекс источников по истории Университета и Гимназии, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (ф. 3: Санкт-Петербургская Академия наук) и охватывающий период 1726–1805 гг.³⁰

К сожалению, до сих пор изучению истории Петербургского университета в XVIII в. уделяется мало внимания. Актуальным остается продол-

жение работы Е. С. Кулябко о питомцах университета. Интересным было бы исследование деятельности выпускников университета, которые стояли во главе других российских университетов, становились кураторами или попечителями учебных округов, профессорами отечественных высших учебных заведений. Изучение этого вопроса позволит в полной мере показать роль Петербургского университета, являвшегося, как говорил П. А. Плетнев, рассадником европейского образования в России³¹.

Примечания

¹ Последняя статья Г. А. Тишкина, написанная по материалам его доклада на семинаре по истории высшей школы в Музее истории СПбГУ. Рукопись сохранилась в архиве ученого, в настоящий момент хранится в архиве музея СПбГУ. Подготовлена к публикации А. С. Крымской.

² Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Сколько лет Петербургскому университету? // Ленингр. ун-т. 1983. 18 мар. С. 6–7.

³ Пештич С. Л. Русская историография в XVIII в. Л., 1961–1971. Ч. 1–3.

⁴ Там же. Л., 1965. Ч. 2. С. 22.

⁵ Андреев А. Ю. О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // Отеч. история. 1998. № 5. С. 62–72.

⁶ См., напр., монографию З. И. Хижняк (Киево-Могилянская академия. Киев, 1988. С. 70–71) и мою рецензию на нее (Укр. іст. журн. 1990. № 9. С. 147–148).

⁷ Хижняк З. И. Указ. соч. С. 65.

⁸ Там же. С. 66–67.

⁹ Менделеев Д. И. Какая же академия нужна в России? // Новый мир. 1966. № 12. С. 176–198.

¹⁰ Анисимов Е. В., Карпеев Э. П. Поиск нужно продолжить // Ленингр. ун-т. 1983. 27 мая.

¹¹ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отчеству на пользу, а россиянам во славу: из истории унив. образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. Л., 1988; Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Единым вдохновением: очерки истории унив. образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2000.

¹² Андреев А. Ю. Указ. соч. С. 62–72; Левшин Б. В. Академический университет в Санкт-Петербурге: (ист. справ.) // Отеч. история. 1998. № 5. С. 73–76.

¹³ Flynn J. T. [Рец.] // History of universities. 1990. Vol. 9. P. 279–281.

¹⁴ Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885. С. 61.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Материалы по истории Санкт-Петербургского университета XVIII в.: обзор арх. док. / сост. Е. М. Балашов, О. В. Иодко, Н. С. Прохоренко; под ред. Г. А. Тишкина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 244 с.

¹⁷ Black J. L. G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston, 1986.

¹⁸ Marker G. Publishing, printing, and the origins of intellectual life in Russia, 1700–1800. Princeton (N. J.), 1985.

¹⁹ Flynn J. T. Op. cit. P. 281.

²⁰ A History of the university in Europe / ed. H. de Ridder-Symoens. Cambridge, 1996. Vol. 2: Universities in early Modern Europe (1500–1800). P. 48, 89, 94.

²¹ Meyer K. Leningradiana // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1985. Bd. 33. S. 128–133; Meyer K. Wie alt ist die Universität Leningrad // Osteuropa: Zeitschr. für Gegenwartsfragen des Ostens. Stuttgart, 1990. Sonderdruck. S. 963–965; Meyer K. 275 Jahre Stätliche Universität St. Petersburg // St. Petersburg – Leningrad – St. Petersburg. Eine Stadt im Spiegel der Zeit / hrsg. von Stefan Kreuzberger u. a. Stuttgart, 2000. S. 257–264; Meyer K. Die Universitätsgeschichte Petersburgs im Streit // Jahrb. für Universitätsgeschichte. 2002. Bd. 5. S. 255–257; и др.

²² Иванов А. Е. Университеты Российской империи XVIII – начала XX в.: типология, формирование системы // Страницы истории: сб. ст., посвящ. 65-летию со дня рожд. Г. А. Тишкина / отв. ред. П. Ш. Ганелин; сост. А. С. Крымская. СПб., 2008. С. 164.

²³ Аврус А. И. История российских университетов: очерки. М., 2001. С. 8. Также следует обратиться к его рецензии на нашу с Ю. Д. Марголисом монографию «Единым вдохновением: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в.» (СПб., 2000): Аврус А. И. Новое слово в полемике о начале Санкт-Петербургского университета: [Рец.] // Освободительное движение в России. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 233–236.

²⁴ Коломинов В. В. Обратимся к фактам // Ленингр. ун-т. 1983. 27 мая. С. 6; Его же. Высший градус наук: беседа с В. В. Коломиновым / записал А. Шумилов // С.-Петерб. ун-т. 1998. № 8 (31 марта); Его же. Vivat Academia! // Нева. 1998. № 10. С. 211–215.

²⁵ Тишкин Г. А., Керзум И. В. Материалы по истории управления университетом в 1724–1989 гг. // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. Вып. 6. С. 232–245.

²⁶ Коломинов В. В. Vivat Academia! С. 211–215.

²⁷ Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных: (из истории Российской Академии). Л., 1986.

²⁸ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2002. Т. 1. С. 114.

²⁹ Постановлением Правительства Российской Федерации № 1379 от 1 ноября 1997 г., подписанным премьер-министром В. С. Черномырдиным, была выделена сумма в размере 20 млн руб. и 30 млн долларов США, которая предназначалась для реконструкции помещений университета в рамках подготовки к 275-летию юбилею.

³⁰ Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. XVIII в.: обзор арх. док. / сост. Е. М. Балашов, О. В. Иодко, Н. С. Прохоренко; под ред. Г. А. Тишкина. СПб., 2001.

³¹ Плетнев П. А. Перемещение университета в Санкт-Петербурге // Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 1. С. 360.